

А.А. Сизова

ИДВ РАН

**Российское консульство в Урге
и жизнь русской диаспоры в Монголии
(вторая половина XIX – начало XX в.)**

Деятельность российских подданных на окраинах Китая (Монголия, Маньчжурия, Синьцзян) во второй половине XIX – начале XX вв. осуществлялась под перманентным контролем российских императорских консульств, учреждённых на территории империи, в соответствии с российско-китайскими трактатами 1851, 1860, 1881 гг. Первые консульства появились в Западном Китае (Чугучак, Кульджа – 1851 г.), а уже в 1861 г. было открыто консульство в центре Внешней Монголии – Урге. По мере интенсификации российско-монгольских торговых операций и сосредоточения стратегических интересов России в Монголии, возникла необходимость консульского надзора в Западной Монголии (Улясугай – 1906 г., Шара-Сумэ и Кобдо – 1911 г.).

Формирование относительно упорядоченного русского поселения в Урге началось после 1860 г., однако первое русское подворье было построено в 1786 г. Ст. 13 Пекинского договора разрешала русским строить свои дома, лавки, амбары в местах пребывания консулов, благодаря чему рост русской колонии укрепился. Основной контингент колонии составляли сибирские (кяхтинские, троицкосавские, иркутские, бийские, верхнеудинские) коммерсанты, преимущественно, крестьянского и мещанского происхождения.¹ В 1913 г. в Урге проживало около 1500 русских.²

Русская диаспора в Монголии, невзирая на крепнущие экономические позиции, являлась довольно разобщённой и пёстрой по составу.³ Жизнь колонистов 1860–80-х гг. была сосредоточена на устройении торгового дела, быт носил отпечаток «временности», общественная жизнь была пассивной [22, с. 74]. Для многих торговцев Монголия стала вторым домом, но не все они стремились к формированию в кочевой стране сплочённого «русского мира» с чёткими культурными и духовными ориентирами. Большинство предпринимателей придавало «делу» не только материальное, но и духовно-нравственное значение, реализуя в

© Сизова А.А., 2010

нём и патриотические устремления, однако высокий статус «русского флага», в особенности на этапе становления русско-монгольской торговли, не всегда был первым приоритетом всех членов русского сообщества. Его повседневная жизнь, включавшая и суровые развлечения, и споры, требовала неусыпного контроля российских властей, стоявших на страже престижа империи. Консолидацию диаспоры, сохранение ею «лица» в глазах китайских подданных, создание делового и бытового комфорта для соотечественников консульства считали одной из своих первостепенных задач.

Значение консульского института для организации жизни русских поселений и факторий в Монголии трудно переоценить. До 1909 г. единственным законным представителем российских интересов был консул в Урге. Его полномочия и диапазон функций были более объёмными, нежели у коллег в других городах Китая (ключевые направления работы: политическое представительство, защита экономических интересов России [18], разведывательная деятельность, содействие исследованию Монголии и Западного Китая, обустройство жизни русской диаспоры и консолидация русских подданных в Монголии). По статусу он приравнялся к маньчжурскому и монгольскому амбаням и сносился с ними лично. Поддерживая контакты с местными властями всех уровней, консульство в Урге стало эффективным и оперативным инструментом разрешения проблем в отношениях народов Китая и России внутри Монголии и на границе от истоков р. Амур до Тарбагатайского хребта [1, л. 421].

Деятельность консульств была сопряжена с необходимостью устранения препоны местных властей и подтверждения равенства статусов «посланцев Белого царя» и заместителей богдыхана. Осложнявшими службу факторами также являлись китайская торговая конкуренция, суровые климатические условия, специфические законы мира кочевников, недооценка царским правительством важности Монголии как стратегического региона и самой работы консульства до начала XX в., скудость финансирования учреждения и проч. Всё это требовало от дипломатов энергии и энтузиазма, истинным примером проявления которых стала 50-летняя работа второго консула в Урге Я.П. Шишмарёва (1861–1911), труды и дни которого широко освещены в историографии [4; 12; 14; 17]. В 1911 г. на посту генерального консула в Урге Я.П. Шишмарёва сменил В.Ф. Люба. С 1913 г. генконсулом в Урге являлся А.Я. Миллер, в 1916–1919 гг. – А.А. Орлов.⁴

Настоящая статья призвана дать общую картину деятельности ургинского консульства по содействию социальной и бытовой адаптации русских поселенцев в Урге во второй половине XIX – нач. XX вв. в контексте повседневной жизни⁵ русской колонии в инокультурной, иноконфессиональной, иноязычной среде. За пределами статьи остаётся роль консульства в организации досуга русских поселенцев.

В работе консульств по содействию социально-бытовому развитию русской колонии можно выделить следующие направления:

1. Благоустройство, коммуникации, общественное управление

Основным вопросом, решаемым консульством в этой области, было получение разрешений на отвод земли для русских жилых и торговых

построек. На заре своей деятельности, консульство не уделяло особого внимания формированию комплексного русского поселения, и купцы, выбиравшие лучшие участки, расселились в разных частях города. Само же здание консульства, отстроенное в 1865 г., находилось в 4 верстах от жизненного центра Урги, что вызывало неудобства в его сообщении с колонией и, по мнению современников, препятствовало её консолидации во имя «общего русского дела» [6, с. 395]. Лишь в начале XX в. колонистам удалось «замкнуть» русский квартал [5, с. 49]. Описания фактории, облик и повседневная жизнь которой стремились сохранить русские черты, приводятся И.М. Майским [15, с. 71–72], П.А. Бобриком [5, с. 50].

Пекинский договор 1860 г. не определял торговые условия, порядок строительства русскими домов и складов в Урге и выделения участков для этих нужд. Уточнение деталей ложилось на плечи местных администраций и консула. Ургинский амбань Сектунга, с которым имели дело первый русский консул К.Н. Боборыкин и сменивший его Я.П. Шишмарёв, не имел твердой позиции по данному вопросу, то разрешая русским торговать в Курене (Ламском городе), то отправляя их в Маймачен (китайский торговый район в 6 верстах от Урги). Общий негативный настрой цинских властей по отношению к российскому присутствию в Монголии проявлялся в создании всевозможных препон деятельности и бытовому устройству русских подданных [9]. Твёрдая позиция консульства по вопросу поселения способствовала началу строительства складов и домов в Курене в указанных консулом местах. Впоследствии эти действия были легализованы амбаниями, но вопрос о выделении земли растущей русской колонии периодически обострялся.

В 1879 г. Я.П. Шишмарёв смог оспорить решение амбаней о перенесении русских построек ближе к консульству [1, л. 484]. В 1888 г. консул выиграл «битву» за сохранение русского городка в Курене, начатую Хухухтой и Шабинским ведомством. В середине 1890-х гг. консульство настояло на отозвании в Пекин амбана Гуй-бина, инициировавшего новый виток притеснений русской колонии, привлекавшей в Монголию всё более солидные капиталы [1, л. 484об.]. При новом наместнике Лянь-Шуне управляющий консульством (1896–1898) В.Ф. Люба к весне 1897 г. добился выделения участка для дома переводчика консульства, а затем и для других лиц [1, л. 503].

С конца XIX – начала XX в. рост диаспоры заставил консульство обратить внимание на упорядочение застройки русского квартала, предотвращение скученности зданий, вопросы пожарной и санитарной безопасности. В 1903 г. оно обязало поселенцев руководствоваться положениями Российского строительного устава и до начала строительства представлять планы построек на утверждение консула [2, л. 179]. В.Ф. Люба также убедил местные власти в опасности неосторожного пользования огнём туземного населения, в особенности, бедного, ставившего юрты вблизи русских чайных складов. В то же время он поставил вопрос о необходимости вложений купеческих средств в хранение товаров, ибо к тому моменту в Урге так и не выстроили каменный гостинный двор [1, л. 470].

При отсутствии в Урге дорожной инфраструктуры для русских поселенцев актуализировалась проблема переправы через местные реки. На средства русских купцов консульство организовало мостостроение и создание переправ под Ургой и между Кяхтой и Ургой. В 1887 г. было построено два моста – через р. Толу и её протоку, которые ремонтировались за счёт взносов чаоторговцев [2, л. 4]. Монголы пользовались мостами и переправами безвозмездно [1, л. 431]. За исправностью объектов следил откомандированный Приамурским Генерал-губернатором казачий полковник Петров. В 1897 г. консул предложил китайской стороне объединить усилия для строительства мостов через новые русла р. Толы, образовавшиеся в результате изменения направления реки (5000 лан серебра – с торгующих в Урге и кяхтинском Маймачене китайских лавок, 3000 лан серебра – от русского купечества в Кяхте; см. [2, л. 5]). К апрелю 1898 г. в Урге было выстроено и передано в общее пользование 3 моста. Переправы через р. Толу, а затем и по рекам Иро и Харе [1, л. 500], а также хозяйство для их нужд, были устроены по просьбе монгольских ханов и князей в 1884 г. и содержались на средства от взносов монголов и русских [1, л. 499об.].

С последней трети XIX в., консульство способствовало развитию в Урге общественного управления. Значительную помощь в его организации оказали русские торговые старшины, избираемые из круга предпринимателей. Это были наиболее уважаемые и опытные купцы, посредничавшие в отношениях консула с колонией, способные находить взаимопонимание с монгольскими и маньчжурскими властями, улаживать споры между русскими. Кандидаты в старшины одобрялись консулом, и после избрания старшины снабжались особым документом и печатью [3, л. 2]. За счёт своего авторитета среди поселенцев и туземных властей старшины служили опорой консульства в деле содействия русской торговле и сплочению соотечественников в Монголии.

Преемники Я.П. Шишмарёва обратили все силы на организацию управления русской колонией. Провозглашение независимости Монголии 1 декабря 1911 г. актуализировало необходимость объединению русских для «служения общему делу» и ускорило создание общественного самоуправления русской колонии. С приездом А.Я. Миллера общественный порядок стала оберегать русская полиция.

2. Медицина и ветеринария

Эпидемии чумы и других заболеваний (тифа, оспы) являлись серьёзной проблемой Монголии. Они уносили жизни тысяч людей, домашних животных, подвергая риску торговлю скотом, и служили дополнительной причиной нежелания многих русских начинать своё дело в «дикой» стране. Негативное влияние на здоровье поселенцев имел и суровый климат Урги. Это делало развитие медицины и ветеринарии жизненно необходимым для русских подданных, став также одним из приоритетных мер царского правительства по укреплению позиций в Монголии [13, с. 32–33]. Однако относительно регулярную медицинскую помощь удалось организовать только в первые годы XX в.

Консул в Урге К.Н. Боборькин сразу оценил необходимость учреждения должности постоянного врача, но на тот момент возможным было только приглашение фельдшера. Фельдшер И. Осипов оказывал помощь и русским поселенцам и монголам, инициировал вакцинацию против оспы, готовил детрит (вакцину) и учил этому местное население, передавал опыт буддийским ламам, чьи методы были бессильны против жестоких эпидемий [12, с. 59]. В 1863 г. И. Осипова сменил фельдшер Абрамов, но единственный медицинский работник не мог оказать помощь всем нуждавшимся в ней. Периодически Я.П. Шишмарёв и В.Ф. Люба вызывали из России врачей и серьёзно ставили вопрос об открытии больницы [13, с. 32–39], но правительство долго не откликалось на данные призывы.

Первые постоянные доктора прибыли в Ургу вместе с военными отрядами, направленными царским кабинетом в ходе подавления «боксёрского» восстания и русско-японской войны, но и их пребывание не было продолжительным. В 1903 г. за четыре месяца в городе умерло более 1500 монголов и около 300 китайцев, имелось множество заболевших среди российских подданных, 7 из которых скончалось, и в результате очередного ходатайства консула, постоянный врач был назначен [2, л. 181]. Медицинская помощь оказывалась русской колонии, местным властям, китайским солдатам, простым монголам. При содействии консулов врачи вели санитарно-просветительную работу, способствовали уборке нечистот в городах, вовлекая в эти мероприятия русских поселенцев [7, с. 128].

Ситуация с ветеринарной помощью улучшилась также только в начале XX в. В 1901 г. правительство командировало в Ургу ветеринарного врача А.П. Свечникова для прививания от чумы скота русских поселенцев. Я.П. Шишмарёв предложил прививать и монгольский скот [7, с. 100]. В 1903 г. консул одобрил реализацию врачом А.А. Дудукаловым проекта ветеринарно-противочумной станции. Консул в Урге, а с 1909 г. и в Улясутае, контролировали работу российских экспедиций, прививающих животных. Консулы В.Ф. Люба и А.Я. Миллер, состоявшие на службе в 1911–1916 гг., также внесли свой вклад в улучшение условий больницы в Урге и решении ветеринарного и санитарного вопросов.

3. Образование и просвещение

Серьёзную проблему для расширения русско-монгольских связей представлял языковой барьер, что осознавалось консулом и властями приграничных регионов. В 1864 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Карсаков одобрил доклад Я.П. Шишмарёва о необходимости подготовки переводчиков в Урге. В 1865 г. был создан устав ургинской школы переводчиков [19, с. 242]. Учителями в школе служили маньчжурские и монгольские чиновники, а также сам Я.П. Шишмарёв, инспектором – секретарь консульства в Урге В.Ф. Люба. Только по прошествии 20 лет школа получила официальный статус (1884 г.), и её содержание стало статьёй бюджета Казначейства. Первоначально ургинская школа должна была обеспечивать региональные и пограничные учреждения специалистами в области китайского, маньчжурского и редкого монгольского языков. Но в августе 1894 г. Я.П. Шишмарёв в отношении помощнику Приамурского

Генерал-губернатора сообщил о желательности приглашения в школу и преподавателей тюркских языков с целью подготовки переводчиков для Степного края и Туркестана [1, л. 285–286].

За 56 лет работы выпускниками стало более 100 переводчиков маньчжурского, китайского, монгольского и тюркских языков. Строгие выпускные экзамены по всем аспектам языкознания и перевода проходили в присутствии консула, Кяхтинского пограничного комиссара, а иногда и маньчжурского амбана [2, л. 23]. Выпускники школы профессионально выполняли функции перевода на службе в пограничных администрациях на всех участках российско-китайской границы [8, с. 66], а также при русских консульствах в Китае. Последние сведения о работе школы в Урге относятся к 1914 г.⁶

В мае 1894 г. Я.П. Шишмарёв ходатайствовал об учреждении в монгольской столице школы для молодых монголов для обучения русскому и китайскому языкам [1, л. 267об.] и заручился согласием ургинских амбаней по данному вопросу. Несмотря на то, что Я.П. Шишмарёву была обещана поддержка высоких китайских чиновников, школа для монгольских молодых людей так и не была создана.

С ростом русской колонии в Урге был реализован и проект школы для русских детей. Одновременно в ней обучалось около 20 человек. С прибытием в Ургу нового консула А.Я. Миллера в русской школе смогли обучаться и монгольские дети. При его содействии в городе открылось 8-классное коммерческое училище [7, с. 151].

В 1910-х гг. консульство развернуло широкую просветительскую деятельность в Урге, включавшую, наряду с прочим, увеличение объёмов доставляемой периодики и литературы на русском языке, показ кинематографа, организацию поездок монголов на учёбу в России. Новые направления образовательной и культурной деятельности стали осуществлять и русский клуб в Урге (открыт в 1903 г.) [16, с. 92]. С созданием отдельной почтовой конторы доставка периодической печати вышла на новый уровень. Урга получала около 20 журналов и газет, консульство и почтовая контора помогали пересылке их торговцам Северо-Западной Монголии [7, с. 158–159]. В период работы А.Я. Миллера при консульстве имела типография, издававшая популярные журналы на монгольском языке, в том числе, журнал «Шинэ-толи» («Новое зеркало»), посредством которых не только популяризировался монгольский язык, но и оказывалось «нравственное воздействие» на монголов.

В июле 1914 г. консульство поддержало инициативу священника Ф.А. Парнякова о создании ургинского приходского попечительства, преследовавшего религиозно-нравственные, образовательные, культурные и научные цели, призванное стать центром русской колонии в Монголии, каким до 1911 г. было консульство в Урге.

3. Вопросы религии и ритуала

Подавляющее большинство членов русской колонии в Урге составляли этнические русские, исповедовавшие православие. Вопрос о строительстве в городе православной церкви был поставлен Я.П. Шишмарёвым уже в

1863 г., поскольку наличие символа православной веры в крупнейшем центре ламаизма было значимо и с точки зрения престижа российского государства. С разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири и при финансовой поддержке кяхтинского купечества в Урге был возведён Свято-Троицкий храм (1875 г.) [12, с. 61]. До 1893 г. в отсутствие постоянного причта [1, л. 69] регулярных богослужений в нём не проводилось, и религиозные нужды отправлялись в специально отведённой комнате консульского дома. К православным прихожанам в Урге периодически (в среднем 2 раза в год) приезжал священник из Верхнеудинска, затем из Пекинской Духовной миссии, а с 1868 г. – из Иркутска. Переписка консула отражает глубокое понимание им деловых и бытовых нужд купечества, желание содействовать созданию духовного комфорта православных Урги, однако решение церковного вопроса оказалось одним из наиболее сложных в бюрократическом отношении.

В целях поддержания храма в «благолепии», в ноябре 1889 г. консульство выпустило постановление о взимании сбора в пользу церкви и причта по 1 коп. с ящика для всех следующих через Монголию русских чаёв [1, л. 148]. Консул поставил вопрос о законодательном закреплении сбора, и проблема взимания столь незначительной суммы стала предметом переписки высших органов государственной и церковной власти в течение целого года [1, л. 149, 166–168об., 172–178, 182–191].⁸ В итоге установление сбора законодательным порядком не было признано необходимым [1, л. 188], средства собирались и расходовались консулом, и уход за церковью стал общей заботой прихожан. С 1888 по 1898 гг. чаоторговцы пожертвовали на нужды храма 14 112 руб. [2, л. 49]. Приглашение постоянного священнослужителя и оплату его жалованья с 1893 г. взяло на себя государство. На эти цели из казны ежегодно отпускалось по 1900 р. серебром (1200 р. – священнику, 700 р. – псаломщику) [1, л. 146об.]. Сохранение православной церкви как символа российского присутствия в Урге в хорошем состоянии приобрело ещё большую значимость с проникновением в 1894 г. в Монголию протестантских миссионеров, развернувших в монгольской среде бурную гуманитарную деятельность [1, л. 457–457об., 494 об.].

Другим объектом внимания консульства было русское кладбище в Урге. С 1866 г. консул не раз обращался к православной колонии с настояниями поддерживать кладбище в порядке, однако до конца 1890-х гг. они не встречали сочувствия. В результате православное кладбище оставалось в печальном состоянии – не было огорожено, деревянные кресты расхищались монголами на топливо, а каменные разрушались от времени и разбивались вандалами [1, л. 478 об.]. Беспокоясь о том, что неуважительное отношение к своим покойным создаст православным негативный имидж в глазах ламаистов, в 1897 г. консул обратился за выделением из Государственного Казначейства 1000 руб. на возведение каменной ограды вокруг русского кладбища [1, л. 479].

В конце 1890-х гг. между о. Всеволодом Ивановым и управляющим консульством В.Ф. Любой, а соответственно, Иркутской Епархией, Священным Синодом и МИДом, возникло противоречие относительно права на распоряжение средствами от сборов на общественные нужды [1,

л. 557–557об.]. Духовное ведомство пыталось доказать, что между консульством и священником существует личная неприязнь, а также, что русская колония не доверяет консулу в деле распоряжения собранными средствами [2, л. 45–46об.]. В ходе длительных пререканий выяснилось, что ургинская церковь не относится к заграничным церковным учреждениям МИД и подчиняется епархиальному начальству. Я.П. Шишмарёв предложил найти компромиссный и законный выход из затруднения, настаивая на том, чтобы суммой от сборов распоряжалась вся русская колония с помощью института попечительства (церковного комитета) с согласия Архиепископа Иркутского и Верхоленского. В мае 1899 г. священник Иванов, предположительно, за нечистоплотную деятельность, был освобождён от должности и заменён другим священнослужителем. Сформированный к 1900 г. церковный комитет состоял из генконсула, секретаря и драгомана консульства, священника, директора Общества Рудного дела в Монголии, управляющего почтовой конторой и представителей двух коммиссионерских домов [2, л. 80об.].

Консульство играло значительную роль в упорядочении повседневной жизни русской диаспоры в Урге, но работу консульства на монгольской окраине Китая в данный период нельзя назвать безупречной. Недооценка российским правительством важности Урги как стратегического пункта и роли консульского надзора над деятельностью российских подданных до начала XX в., финансовые проблемы, связанные с местными экономическими условиями (инфляция и проч.), противодействие маньчжурских властей и жёсткая конкуренция китайской торговли, большие объёмы текущей работы при ограниченном штате (2–3 чел.) до 1909 г., отсутствие удобных путей сообщения и современных средств связи, низкая культура купцов-соотечественников и другие факторы затрудняли работу консулов по консолидации диаспоры и улучшению условий её существования. Однако усилия консульства по улучшению климата как деловой, так и бытовой жизни российских подданных, запечатлённые в ведомственной переписке, статистике, воспоминаниях современников, заслуживают высокой оценки. Консульству в Урге удалось стать центром «русского мира» и мобилизовать объединительные силы диаспоры благодаря личному энтузиазму и профессионализму работников. Этому способствовали объективная оценка состояния и перспектив русского дела в кочевой стране, нужд соотечественников, глубокое чувство долга и преданности службе, а также широта полномочий, предоставленных им МИДом.

Опыт русской консульской службы в Урге и других монгольских городах особо важно учесть в процессе реанимации российско-монгольских контактов на современном этапе и выработки политики в отношении диаспоры соотечественников в данной стране. При выстраивании наметившейся линии «возвращения» в Монголию не следует пренебрегать внимательным изучением истории царского консульского института в Урге, сыгравшего столь значительную роль в успехе «русского дела» в Монголии на самой активной и сложной стадии взаимодействия двух народов. Некоторые проблемы, с которыми столкнулись первые русские дипломаты в Монголии, методы их разрешения, а также

мероприятия по консолидации и развитию общественной жизни русских поселенцев, не утратили своей актуальности и по сей день.

Примечания

¹ О структуре купеческого сообщества см.: *Старцев А.В.* Численность и состав русских предпринимателей в Монголии во второй половине XIX – начале XX в. // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда: Материалы конференции. Барнаул, 2003. С. 142–148.

² Выходцы из России в Урге были представлены преимущественно предпринимателями, служащими консульства, военным отрядом с инструктором.

³ Под «русской диаспорой» понимается всё имевшее российское подданство население Внешней Монголии, проживавшее постоянно либо занимавшееся сезонной работой на территории страны. Понятие «диаспора» используется наряду с принятым в дореволюционном обиходе термином «колония», одно из значений которого – «сообщество... людей какой-нибудь страны, земляков, живущих в чужом городе, в чужой стране» (*Ожёгов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1991). Ср.: «диаспора» (от греч. *diaspora* – рассеяние), постоянное пребывание (добровольное или вынужденное) части народа на территории другого государства (*Современный энциклопедический словарь.* М., 1997).

⁴ В отсутствие консулов в Урге их функции выполнялись секретарями или драгоманами. В разное время эти обязанности отправлялись В.В. Долбежевым, В.Ф. Любой, М.Н. Кузминским, В.Н. Лавдовским.

⁵ Повседневность – сложный философско-культурно-психологический феномен, получивший различные трактовки в социальной феноменологии («интерсубъективно-трансцендентальная социальность»), социальной философии, культурологии, иных общественных науках. В данной работе термин трактуется как некая бытовая реальность группы индивидов, существующая изо дня в день, в привычных ситуациях, предполагающая единообразие восприятия ситуаций взаимодействия всеми его участниками.

⁶ Подробнее о школе переводчиков и толмачей см.: *Даревская Е.М.* Ургинская школа переводчиков и толмачей (Из истории русско-монгольских связей) // Свет над Байкалом. 1958, № 1; *Дацышен В.Г.* История изучения китайского языка в Российской империи. Красноярск, 2002.

⁷ О деятельности попечительства см.: *Даревская Е.М.* Три портрета – три судьбы. Улан-Батор, 1997. С. 132; *Старцев А.В.* Русские предприниматели в Монголии: социальный облик и общественно-культурная деятельность // Восточные исследования на Алтае. Выпуск IV. Барнаул, 2004. С. 75.

⁸ В переписку были вовлечены Посланник в Пекине, Директор Азиатского департамента, Министр иностранных дел, Министр финансов и глава Департамента торговли и мануфактур, Обер-Прокурор Священного Синода, Государственный контролёр, Государственный Секретарь.

Источники и литература

1. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 562. Консульство в Урге. Донесения и переписка по разным делам. 1874–1894.

2. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 563. Донесения Ургинского Консульства. 1898–1903.
3. АВПРИ. Ф. 292. Консульство в Урге. Оп. 732. Д. 23. О торговле в Монголии. 1864, 1898–1923.
4. *Андреев А.И.* Я.П. Шишмарёв – дипломат, путешественник, исследователь Монголии // *Mongolica*. 2003. Вып. VI. С. 118–121.
5. *Бобрин П.А.* Монголия: очерк торгово-промышленного и административного быта (Поездка в Монголию 1913 г.). Владивосток, 1914.
6. *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. Томск, 1911.
7. *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск, 1994.
8. *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. Кызыл, 2000.
9. *Единархова Н.Е.* Взаимоотношения русского консула с ургинскими правителями (60-е годы XIX в.) // Четвёртые востоковедные чтения БГУЭП: Мат-лы МНК. (Иркутск, март 2005 г.). Иркутск, 2005. С. 70–75.
10. *Единархова Н.Е.* Из истории пребывания русских в Монголии (до 1917 г.) // Диаспоры. 1999, № 2–3. С. 81–99.
11. *Единархова Н.Е.* Русские купцы в Монголии // Восток. 1996, № 1. С. 76–89.
12. *Единархова Н.Е.* Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарёв. Иркутск, 2008.
13. Журнал Особого Межведомственного Совещания, бывшего в С.-Петербурге под председательством Иркутского Генерал-Губернатора, Егер-ра Л.М. Князева, по русско-монгольским делам. Иркутск, 1913.
14. *Кузьмин Ю.В.* Монголоведные исследования Я.П. Шишмарёва // Основные направления функционирования внешнеэкономического комплекса России в условиях глобализации и регионализации мирового хозяйства. Иркутск, 2006. С. 69–75.
15. *Майский И.М.* Монголия накануне революции. М., 1960.
16. *Майский И.М.* Современная Монголия. Иркутск, 1921.
17. Русский консул в Монголии: Отчёт Я.П. Шишмарёва о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск, 2001.
18. *Сизова А.А.* Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольских экономических отношениях второй половины XIX – начала XX вв. / Вестник Международного центра азиатских исследований. Вып. 15. Иркутск, 2008. С. 51–63.
19. *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
20. *Старцев А.В.* Основа благосостояния купцов-«чуйцев» // Наследие народов Российской Федерации. Вып. 8. Алтайский благодатный край. М., 2007. С. 208–213.
21. *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии. Барнаул, 2003.
22. *Старцев А.В.* Русские предприниматели в Монголии: социальный облик и общественно-культурная деятельность / Востоковедные исследования на Алтае. Вып. IV. Барнаул, 2004. С. 63–85.
23. *Хохлов А.Н.* Российские купцы в Китае 60-х – 80-х гг. XIX в.: трудные будни и редкие праздники // XIX научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. II. М., 1988. С. 210–222.